

Рассказ о. Матфея, производится по документальной книге "Отец Арсений"

«Любовь не ищет своего».
Первое Послание к Коринфянам
святого апостола Павла,
13-я глава

В апреле 1941 года меня внезапно взяли в армию. Мне было двадцать восемь, а Людмиле двадцать пять. Женился по большой любви. Друг без друга нам жизнь была не в жизнь. Первое время в армии места себе не находил. Писали мы друг другу почти каждый день. Была Людмила для меня всем, и сыновей я, пожалуй, любил меньше, чем ее. Человек она необычный: с большой силой воли, принципиальная, правдивая, добрая, отзывчивая, и я знал, что любит меня так же, как и я ее. Любовь наша была не физическим тяготением, а глубокой духовной привязанностью и близостью.

По образованию я физик, Людмила кончила педагогический техникум и работала преподавательницей в младших классах средней школы.

Война, как всякое бедствие, приходит неожиданно. С первых дней попал я в тяжелые бои, отступал, выходил из окружения, сражался. Домой писал часто, но, как потом узнал, писем моих почти не получали, а про меня и говорить нечего. Ранен был несколько раз, лежал в госпиталях: на Урале, в Сибири, по-прежнему много писал Люде, получал письма от нее, но, как попадал на фронт, переписка прекращалась. В феврале сорок пятого года ранили меня тяжело, вылечили, и прямо из госпиталя попал я седьмого мая под Прагу, где и закончил войну. Грудь в орденах, мысли дома, не только у меня, а у всех. Отвоевались. Родину отстояли.

Через шесть дней после победы арестовали меня, а первого июня трибунал приговорил к расстрелу с заменой двенадцатью годами заключения. Состряпал на меня дело старшина, написал, что я вел агитацию в пользу врага, и сколько я ни доказывал следователю, а потом трибуналу, что это бред, ложь — Родину я защищал, несколько раз ранен, награды получил, и немалые, — никто меня не слушал, а слушали только старшину. Потом уже узнал — многих он посадил, выслуживался. Осудили, и до 1957 года прожил я в лагерях. В одном из лагерей встретил о. Арсения, привязался к нему, полюбил, к тому времени я уже был верующим. Помог мне в этом один заключенный, добрый, хороший и глубоко верующий человек. Очень много дал он мне тогда в лагере.

Об аресте и осуждении семье сообщить не мог, но думал, что Людмила узнает от органов или товарищей. Последние годы находился в далеком сибирском лагере, из которого по чистой освободили в 1957 году. Три месяца пришлось проработать на

заводе в Норильске, писал оттуда в Москву, семью разыскивал, но ответа не получил. Обратился в бюро розыска — не отвечают. Оделся более или менее прилично и поехал искать своих, но почему-то не официальным путем, а через знакомых. Узнал, что уехала Людмила в эвакуацию в город Кострому, там и осталась. Волнуюсь, жду встречи, мысль только одна: как-то они там живут? Что с ними?

Вот и Кострома. Приехал в семь вечера, пока нашел улицу, дом, подошло время к девяти часам. Постучал в дверь, открывает мужчина. Посмотрел на меня, вздрогнул, отступил испуганно в глубь передней и вдруг сказал: «Проходите, Александр Иванович!» Вошел я, разделся. Мужчина безмолвно стоит и смотрит на меня, потом повернулся к какой-то двери и крикнул: Люда, к нам пришли!»

Вошла Людмила, увидела меня, бросилась ко мне с криком и плачем: «Саша! Саша! Ты! Где был?»

Обнимает меня, целует. Забыл я все, все на свете, схватил я Людмилу, прижал к себе, плачу, целую в исступлении лицо, руки и чувствую, как под руками моими бьется ее сердце. Сколько это продолжалось, не знаю, но когда немного успокоился, то случайно взглянул на мужчину, открывшего мне дверь, и увидел на его лице такое страдание и неподдельное горе, что трудно передать. Спрашиваю: «Люда, кто это?»

Оторвалась она от меня, посмотрела на нас обоих, надломилась как-то и со стоном в голосе крикнула: «Муж!» — и только тут я окончательно понял, что мое время ушло. Охватила меня беспомощность, растерянность. Сел я и спрашиваю: «А как же я?»

Молчат оба. Схватился я за голову руками и зарыдал. Трясусь и плачу. В жизни моей этого не было, а тут долгие годы мучения и ожидания отдали свое. Отчаяние страшное пришло. Чувствую, взял меня кто-то за плечи и говорит: «Успокойтесь! Успокойтесь! Расскажите, что с Вами было за эти годы?»

Поднимаю голову — а это муж моей Людмилы. Сел напротив меня, Людмила стоит. Смотрю на нее, смотрю и с трудом осознаю происшедшее. Мысли смутные, вязкие, тяжелые, злые, но потом состояние растерянности и злобы прошло, и опять я стал видеть одну Людмилу. Осунулась, в лице ни кровинки, большие глаза ее в слезах и невыносимой муке. Смотрит то на меня, то на Бориса — потом я узнал, что так его зовут.

Как и раньше, красивая, моя бесконечно родная Людмила, моя жена, а теперь жена другого. Люда, о которой долгие годы я думал, мечтал, к которой стремился, и только надежда увидеть ее дала мне возможность выжить в лагерях в течение двенадцати лет заключения — и вот наконец я нашел ее и сразу же потерял.

Перевел взгляд на Бориса и также вижу на лице растерянность и страдание. «Расскажите! Прошу Вас!»

Стал я рассказывать, вероятно, говорил долго. Рассказывал, как из армии писал, упомянул про взятие Праги, вспомнил арест, суд, двенадцать лет лагеря. Рассказал и

замолчал, они также молчат, и в это время из мглистого тумана мыслей первый раз пришло воспоминание о Боге, и я в душе своей воскликнул: «Господи, помоги и рассуди. Ты Один знаешь пути наши».

Людмила обошла разделявший нас стол, подошла ко мне и с мольбой сказала: «Саша, прости меня, виновата перед тобой. Писем от тебя не было, запрашивала военкомат, писала всюду, ждала, а ответ один: «Пропал без вести». Три года ждала, ждала ежедневно, и все нет известий. Решила, что убит. Последнее письмо пришло из-под Праги. Мысли были только о тебе, но видишь — встретила Бориса, привыкла к нему, полюбила и вышла замуж на четвертый год нашего знакомства, и к двум нашим сыновьям прибавилась дочь Нина, сейчас ей уже семь лет. Прости меня, я одна виновата, Бориса не вини. Не дождалась я тебя. Прости», — говорит и плачет. Борис молчит.

Что делать? Что делать? Не знаю и не вижу выхода, они оба также не знают. Взглянул на стенку и вижу — в рамках висят мои фотокарточки довоенные, и все происшедшее сразу по-другому осветилось.

Осуждение и раздражение, охватившее меня, сгладились, и что-то доброе, теплое охватило сердце и душу.

Не забыла, помнила, и действительно никто не виноват. Что делать? Что делать?

Тягостная тишина вошла в комнату. Гнетущая, мрачная, тишина страдания. «Где дети?» — спросил я. «К бабушке все трое пошли, там сегодня и ночуют», — ответила Людмила, и опять стало тихо.

Я смотрел на жену, понимая и зная, что позови я ее, и она уйдет со мной, уйдет с детьми от Бориса, а я забуду ее второе замужество и буду любить по-прежнему. Но что делать с детьми? За восемь лет они полюбили и привыкли к новому отцу, и от него уже есть дочь. Как они отнесутся ко всему совершившемуся, ко мне, перенесут ли, поймут ли, забудут ли Бориса?

Я разобью сложившуюся семью, где сейчас есть согласие, где друг друга любят и понимают. Почему я должен прощать Людмилу? Чем она виновата передо мною? Она ждала, искала, помнила, страдала, оставшись с двумя детьми, не меньше меня и, только уверившись, что я умер, вышла замуж, но в новой семье не был забыт я, о чем сказали мне фотографии. Я был один, а их трое, брошенных, оставленных. Почему я имею какие-то особые права? Ни она, ни я не виноваты в случившемся, а тем более Борис. Сильно любил и люблю Людмилу, но это не дает мне право ради одного себя разбить семью, посеять зло, раздор, лишить детей человека, который стал им отцом. Мои сыновья полюбили Бориса. Но полюбят ли теперь меня? Что будет с дочерью, у которой только один отец, Борис? И опять мысль о Боге пришла ко мне. Не знаю почему, но я встал и прошел в другую комнату.

Три кровати стояли у стен, здесь жили дети. В головах самой маленькой кровати

была приколата небольшая икона, висевшая на ленточке, кто был изображен, какой святой, я не понял, но то, что у ранее не верующей Людмилы появилась в доме икона, поразило меня и в то же время внутренне согрело, обрадовало.

В лагере человек, который дал мне возможность уверовать в Бога, говорил, что путь к Господу только через добро, помощь людям и отречение от своего большого и любимого человеческого Я, всегда выставляемого вперед.

Эти мысли мгновенно возникали и проходили передо мною. Выбор был только один. Я обязан, должен уйти из жизни детей, Людмилы, Бориса.

Людмила сидела растерянная, подавленная, не зная, что делать. Лицо ее было столь скорбно, что мне стало стыдно за себя, за то, что я долго молчу, держа Людмилу и Бориса в состоянии неизвестности, напряжения. Борис сидел опустив низко голову, как будто невероятная тяжесть тянула его к земле.

Я встал и, подойдя к Людмиле и Борису, сказал: «Я ухожу, это необходимо и справедливо по отношению ко всем нам. У вас семья, а я — утраченное прошлое. У Вас сыновья, дочь, у меня ничего. Вы любите друг друга. Я ухожу, здесь нет жертвы, здесь воля Бога и ваше право».

Я встал и стал одевать пальто. Борис смотрел на меня с тревогой. Людмила бросилась, обняла меня и, целуя, сказала: «Не уходи», — но что-то неуверенное прозвучало в этом. Борис подошел и, взяв меня за руку, сказал: «Тяжело ей, переживает за нас обоих и за детей».

Я вышел. Встреча с Людмилой и детьми не состоялась. Осталось только прошлое. Я опять один. Человек, которого я люблю, безвозвратно потерян.

Ждать долгие годы, надеяться, выжить только из-за этого, найти и потерять. Потерять навсегда.

Я шел по улицам Костромы, погруженным в темноту, шел, раздавленный происшедшим, шел, понимая, что другого выхода не было, а Людмила по-прежнему стояла перед моими глазами.

Примерно полгода я болел. Свет не без добрых людей, помогли мне, но в это время я как-то особенно близко подошел к церкви, и это остановило меня от многих неверных решений и поступков.

Устроился по своей специальности физиком в один институт, ушел в работу, что называется, с головой, достиг по воле Божией неплохих результатов. Пришла небольшая известность, печатные труды, жизненное благополучие и обеспеченность, но образ Людмилы, ее глаза постоянно стояли передо мною.

Город, где я жил, был небольшой, но церковь сохранилась одна, остальные

когда-то закрыли или сломали. Храм стал моим прибежищем, местом душевного отдыха, утешения. Там, в церкви, сблизился я с одним врачом, глубоко верующим человеком, оказавшим на меня очень сильное влияние и много помогавшим мне.

Пожалуй, это был один из немногих тогда домов, где я бывал, отдыхал душой и учился духовной жизни. За семьей Людмилы не следил, не нужно было и для нее и для меня. Только однажды написал письмо Борису, в котором просил принимать от меня помощь. Высылал почти все мои деньги, через одного хорошего знакомого, живущего в Костроме. Трудно мне было все эти годы. Переживал и страдал, никак не мог забыть Людмилу и детей.

Года через четыре узнал случайно, что о. Арсений жив, списался с ним, поехал к нему, и стал он моим духовным отцом и руководителем на долгие годы, а потом я принял монашество и был поставлен иеромонахом. Давно хотел, долго готовился, но о. Арсений долго не разрешал и только в позапрошлом году благословил.

Оставил физику и пошел служить в церковь, чем немало удивил своих коллег по институту. Живу сейчас в промышленном городе, церковь небольшая, но верующих много, и много настоящих, хороших.

Успокоился, забылся, прошлое сгладилось, но полгода тому назад произошло со мною событие, опять потрясшее и взволновавшее меня.

Пришел домой после обедни. Хозяйка квартирная сказала, что приходил ко мне два раза пожилой мужчина, не назвался, но предупредил, что часа в четыре опять зайдет. Особого значения я этому не придал, однако около четырех часов действительно позвонили. Пошел открывать дверь. Вошел человек, на вид лет за пятьдесят, лицо желтое, изможденное, но глаза ясные, поражающие своей особой выразительностью и добротой. Вошел, поздоровался, назвал меня по имени-отчеству. Знаю его хорошо, где-то с ним встречался, но вспомнить не могу. Смотрю на него удивленно, вероятно, он это заметил. Спросил: «Не узнали?» — и сразу же после этих слов узнал я в вошедшем Бориса — мужа Людмилы.

Без всякого предисловия стал рассказывать: «Приехал рассказать о детях, отчет Вам дать. Рак у меня, две операции перенес, сейчас химиотерапией залечили. Пожелтел весь, а состояние здоровья не лучше. Проживу в лучшем случае два месяца. Ну, это для начала. За помощь спасибо, много семье дала. Помогали много. Жене не говорил, как просили, но догадывалась, Вас хорошо знала.

Сыновья Ваши уже имеют детей. Хорошими людьми воспитала их Людмила. Оба кончили институт, инженеры. Дочь наша Нина на первом курсе. Бог милостив, воспитали детей верующими. Людмила раньше не верила в Бога, но после Вашего от нас ухода сильно изменилась в этом отношении.

Откровенно скажу, следил за Вашей жизнью. Считал недопустимым упускать Вас из виду, потому что судьбы наши переплелись. Сложно, мучительно связаны. Знаю,

тяжело переносили Вы случившееся, но и на нас с Людмилой оставило это глубокий след. Людмила любила и любит Вас, хотя и не знает, где сейчас Вы. Уход Ваш еще больше приблизил ее к Вам. Принеся себя в жертву семье, подчеркнули Вы силу любви своей.

Переживал я очень ее любовь к Вам, но было бы неправдой сказать, что она меня уже не любила. Сколько лет мы с ней после случившегося прожили, и никогда не была она холодна или равнодушна ко мне, никогда не сказала мне слова осуждения. Бывало, проснешься ночью, она не спит или делает вид, что спит. Знаю — мысли о Вас». И стал мне подробно рассказывать о детях и жизни семьи и в конце сказал: «Время жизни моей ушло, остались считанные дни, у Вас в церкви, вероятно, есть второй священник, попросите его исповедовать меня. Помогите мне».

Смотрел я на Бориса и думал, что жизнь его после моего появления была трудной, мучительной, полной сомнений, тревог, и тем не менее он с Людмилой смог воспитать детей, укрепить веру свою, сделать Людмилу верующей. Его жизнь по сравнению с моей была сложнее и труднее, была подвигом. Прожил он у меня три дня. Исповедовал и причастил его наш настоятель о. Андрей. Помню, сказал он мне: «Хорошего человека встретил. Хороший Ваш знакомый Борис. Редкостный».